

«Одесский листок» 1893, 1 января № 1.

Русская литература в 1892 году.

Конец нынешнего года завершился довольно оригинально и, так сказать, неожиданно: заговорили об упадке русской литературы. Конечно, это не ново: об упадке литературы говорить чуть-ли не десять лет подряд; но ново то, что на нынешний раз, перед самым 1893 г., заговорили об упадке литературы те самые, которые более всех остальных оказались

европейских... символических... конечно, мне не поврите и, пожалуй, скажете, что я сам все это выдумал. Но, в предупреждение такой напраслины на меня, я прямо сошлюсь на свидетельство самого г. Мережковского, который, недавно, уже в декабре, провозгласил эту истину с высоты кафедры Соляного городка. Его две лекции, как я слышала, будут напечатаны отдельно, в сборнике критических статей г. Мережковского, сборник, долженствующий выйти очень скоро. И вот, когда этот сборник выйдет, я приглашу вас прочесть эти две лекции, вникая в их смысл, часто, правда, затемняемый вычурными фразами, — вы, надюсь, — отгадаете мне справедливость в том, что я не клевету на господь символистов и на их porte-voix г. Мережковского.

Спорить с г. Мережковским я, конечно, не буду, и в особенности по поводу разговора о символизме, — разговора, который в настоящую минуту был-бы совершенно неуместен. Правда, некоторые малые симптомы символизма, занесенные, впрочем, с запада, но совершенно преобразованные на восток примесью местного мсла, несомненно, замечены в некоторых задворках русской журналистики. Но

о подобных задворках, обыкновенно, не принято говорить в приличном обществе. Поэтому, отмечая факт «возникновения» на русской почве со всеми отличительными свойствами русской культуры, некоторого подобия французского символизма, я прямо перехожу к предмету настоящего письма, т. е. просто к текущей русской литературе, которая, к счастью, с символизмом имеет пока очень мало общего.

Но, конечно, если текущую русскую литературу и нельзя, по сущей совести, упрекнуть в символизме, то, с другой стороны, нельзя также сказать, чтобы нынешний год был особенно благоприятен ей. В настоящую минуту я делаю все усилия, чтобы вспомнить те произведения изящной литературы, которые были отмечены мною, как выдающиеся... Вспоминаю и нахожу в своей памяти всего несколько произведений, которые так или иначе обратили на себя внимание публики. Г. Чехов («Жена», «Палата № 6-й»), Боборыкин («Василий Теркин», «Трунь», «Перед чьим-то»), София Ковалевская («Voi victis»), г-жа Леффлер («О Софии Ковалевской»); эти «вспоминания» я также отношу к изящной литературе, потому что и в приемах, и в манере, и в способе передавать видимое и слышанное, и в мастерских характеристиках, — г-жа Леффлер осталась и тут талантливой belle-тристкой, Королевой («Ах, Душман!») — как кажется, все, что уцелело в моей памяти, как явления, которые заслуживали внимания и которые, с этой точки зрения, и были, по преимуществу, рассматриваемы критикой. Но явления эти, как бы они ни были малочисленны, все-таки, в общем, представляют собой довольно характерный факт.

И в самом деле, если исключить неболь-

то окажется, мною упомянутыми произведениями произведений всей остальной труппы и выразили основные стремления и творческий и умственный характер. Я скажу даже только что названные произведения, я вижу эволюцию основной безпощадного отрицания жизни в «Vae victis»), примирения с жизнью в «Василии Теркин» и «Воспоминаниях о...». В «Vae victis» начала разочарования, а перед жизнью, отчаяния врыва в жизнь, вступала на розовых надеждах, но мало-по-малу, путем опыта, мысли, к реальному выводу, что наша цель всякого существования как не бытие. Она принадлежала к прошлому поколению, на которое еще влияла проповедь позитивизма и даже материализма; не мудрено, поэтому, что и талантливая русская женщина отразила на себе это влияние, тем более, что и некоторые личные условия жизни (она легко можно догадаться из очень немногих намеков г-жи Леффлер) не могли не содействовать укреплению такого взгляда. Но г. Боборыкин, в этом смысле, представляет уже значительный шаг вперед. Он принадлежит к еще более старому поколению; он воспитан и развился (как сам говорит), под сильным влиянием позитивизма; но г. Боборыкин замечательно чуткая натура и, как беллетрист, всасывает в себя, подобно губке, все элементы жизни. Благодаря этому родному (в особенности, родному и русского беллетриста) качеству, в его произведениях несомненно отражается общество в своих «настроениях». И вот, исходя из того-

же пессимизма, который так поражает у Ковалевской, г. Боборыкин не заканчивает его одинаком печальным аккордом, а напротив, хочет дать нам понять, что этот пессимизм есть некоторый мучительный кризис души современного человека, кризис „перед тем-то“ более светлым и отрадным. В „Василии Теркине“ г. Боборыкин еще более определенно указывает на то, что, по его мнению, должно возродить русскую жизнь, что, собственно, составляет эту зрелую грядущую жизнь. С выводами г. Боборыкина можно не соглашаться, можно их считать ложными или даже прямо несосчитательными, но они, во всяком случае, показывают, что Боборыкин оптимист и в будущее верить. Эволюция в указанном мною смысле замечается и у г. Чехова, хотя, конечно, не так ярко и отчетливо. Г. Чехов принадлежит к молодому поколению наших беллетристов и понятно, что он не вырабатывал еще в себе определенного мировоззрения: он и пессимист отчасти (в «Палате № 6») и оптимист (в «Женѣ»); г. Чехов — пессимист по отношению к современному „образованному“ русскому человеку, с его личным рефлексом, с его самообожанием, но он — оптимист, когда изображает перед нами те стихийные натуры, без всякой лжи, которыми, если верить г. Чехову, кишит русская земля. Вывод, конечно, спорный, но указывающий в г. Чехове желание разобраться в проблемах русской жизни и даже стремление идеализировать некоторые стороны русской жизни. Наконец, г-жа Леффлер, хотя и иностранка, но как бы резюмирует эволюцию. Ее „Воспоминания“ — как бы гимном в честь русской женщины, с ее дарованиями, богатством натуры, трезвым умом. Так ли это в действительности, — предоставляю судить другим, но если, по г-же Леффлер, русская женщина прекрасна и является трудолюбивой и талантливой работницей на почве культуры, если, с другой стороны (по г. Чехову) и русская стихийная натура, в

видъ какого-нибудь Самойленко, заслуживаетъ величайшихъ симпатій, если наконецъ (по г. Боборыкину), мы, т. е. русская жизнь, не только стремимся къ чему-то особенно свѣтлому, но что мы уже принимаемъ за положительное дѣло, — если-бы это было действительно такъ, то какъ не порадоваться, видя такое единодушное согласіе въ современной текущей литературѣ! И я долженъ прибавить, что, и помимо гг. Чехова, Боборыкина, Ковалевской, — таковъ господствующій тонъ въ настоящую минуту. Нѣкоторымъ диссонансомъ явились двѣ повѣсти въ 1892 году: г. Щеглова: «Около истины» и г. Щербина: „Непризнанный гений“. Г. Щегловъ громилъ, такъ-называемыхъ, толстовцевъ, которые въ его изображеніи (сдвиги не лицепріятномъ) представляются какими-то неулыбливыми остолопами; а г. Щербинъ написалъ сатиру на господъ символистовъ и декадентовъ. Но повѣсть, кажется, прошла незамѣченной, а сатира оказалась недостаточно острой, — хотя и авторъ сатиры, г. Щербинъ, если принять во вниманіе, что онъ является новичкомъ въ литературѣ, подаетъ нѣкоторыя надежды. О гг. Потапенкѣ, Ясинскомъ и Немировичѣ-Данченкѣ, я, конечно, принужденъ умолчать. — Въ нынѣшнемъ году, — какъ впрочемъ и въ предыдущихъ, — они написали такіе громадные volumes печатныхъ листовъ, что одно переизготовление ихъ многочисленныхъ и многообъемистыхъ сочиненій заняло-бы нѣсколько десятковъ листовъ, что, — если принять во вниманіе, стоимость ихъ содержанія, — значило-бы слишкомъ много удѣлать имъ мѣста. Точно также я не буду говорить и о г. Луговомъ и его романѣ «Грани жизни», — не буду говорить, потому что еще очень недавно пространно бесѣдовалъ съ моими читателями объ этомъ предметѣ. Прибавлю только, что и г. Луговъ, — своего рода явленіе, — явленіе талантливаго беллетриста, который подавленъ своимъ собственнымъ матеріаломъ и который никоимъ образомъ не можетъ справиться. Какой-нибудь резонеръ-любитель слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній сказалъ-бы, пожалуй, что самая русская жизнь есть такой сложный и не упорядоченный еще

матеріалъ, — и что это-то именно обстоятельство, по преимуществу, губитъ большинство нашихъ беллетристовъ.

Однимъ изъ довольно замѣтныхъ явленій прошлогодней журнальной литературы (не по литературнымъ достоинствамъ, а по содержанию) можно считать обширное обследованіе г. Всеволода Соловьева: «Современная Изида»; въ этомъ обследованіи г. Вс. Соловьевъ, какъ извѣстно, разоблачаетъ покойную Блаватскую. Мнѣ уже нѣсколько разъ случалось говорить объ этомъ послѣднемъ произведеніи г. Вс. Соловьева, но я, къ сожалѣнію, не зналъ, что автору едва ли можно безусловно довѣрять въ его показанія; оказывается, что существуютъ письма г. Вс. Соловьева къ г-жѣ Блаватской, въ которыхъ г. Вс. Соловьевъ объявляетъ себя величайшимъ поклонникомъ этой дамы, которую онъ, въ „Современной Изидѣ“ представляеть въ качествѣ безцеремонной Гобманщицы. Этотъ литературный «инцидентъ» нынѣшняго года, если не ошибаюсь, точно также имѣетъ свою цѣнность для характеристики нашей злобы дня и нашихъ нравовъ.

Переходя въ область философіи и критики, я долженъ замѣтить, что Ренанъ и Зола сосредоточили на себѣ въ нынѣшнемъ году главное вниманіе. Затѣмъ г. Влад. Соловьевъ писалъ о „Любви“, г-жа Венгерова — о символистахъ, Л. Толстой — о томъ, въ чемъ заключается первая ступень въ истинно-правдивой жизни, г. Преображенскій — о новомъ нѣмецкомъ философѣ Ницше, которому суждено въ недалекомъ будущемъ сдѣлаться столь-же популярнымъ (по крайней мѣрѣ въ Западной Европѣ), какъ Шопенгауэръ у насъ въ недавнемъ прошломъ. Панаиотъ и князь С. Волконскій — писали о художественномъ творчествѣ. Если не считать пространныхъ критическихъ разсужденій о Бальцогѣ, по поводу пятидесятилѣтней годовщины со дня его смерти, — то этимъ перечнемъ, если не ошибаюсь, исчерпывается почти все, наиболее интересное, что появилось въ нынѣшнемъ году въ русской критикѣ. Я долженъ, впрочемъ, прибавить, что изъ числа молодыхъ русскихъ крити-

ковъ г. Волынский представляется наиболѣе интереснымъ критикомъ по задачамъ, которыя онъ преслѣдуетъ; если не всегда съ г. Волынскимъ можно соглашаться, то во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что онъ затрагиваетъ (и затрагиваетъ, по временамъ, очень удачно) проблемы самыя живыя и интересныя.

О К. Леонтьевѣ въ русской журналистикѣ прошлаго года возникла довольно пространная литература. К. Леонтьевъ умеръ нѣсколько болѣе года тому назадъ, а въ нынѣшнемъ году были изданы его сочиненія; при жизни онъ былъ очень мало извѣстенъ и даже въ своемъ собственномъ лагерѣ (лагерь славянофиловъ) не пользовался особенной популярностью. Но теперь, когда были изданы его сочиненія, русская критика различныхъ оттѣнковъ обратила на него серьезное вниманіе. О немъ писали: гг. Вл. Соловьевъ, Страховъ, Розановъ и многіе другіе. Какъ-бы ни были различны эти отзывы, К. Леонтьевъ принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ съ оригинальнымъ міровоззрѣніемъ, съ самостоятельнымъ взглядомъ на вещи, которыя встрѣчаются всегда довольно рѣдко и которыхъ, поэтому, нельзя не узнать. Кн. Трубецкой, въ статьѣ объ этомъ писателѣ, назвалъ его «разочарованнымъ славянофиломъ». И дѣйствительно, такая нѣсколько рѣзкая характеристика,—вполнѣ подходитъ къ писательской фizioноміи К.

Леонтьева.

Изъ другихъ «собранныхъ сочиненій», я не имѣю права умолчать о сочиненіи г. Шаранова. Въ предисловіи къ своимъ сочиненіямъ г. Шарановъ объясняетъ, что съ крайней юности онъ имѣлъ «живое общеніе съ людьми духовнаго міра», т. е. съ Аксаковымъ, Гиляровымъ, И. Павловымъ, К. Леонтьевымъ. Но Аксаковъ умеръ и кружокъ распался. «Гиляровъ былъ слишкомъ мягкій умъ, Леонтьевъ дикій умъ, чтобы быть центромъ русской мысли»; да и всѣ они перечерли и г. Шарановъ остался послѣднимъ могиканомъ славянофиловъ; онъ взялся быть «суррогатомъ» Аксакова...

Собственно этимъ «суррогатомъ» Аксакова можно было-бы и закончить обзоръ литературы 1892 года, но я долженъ упомянуть и о начихъ покойникахъ. Ихъ два: Коронинъ (Петропавловскій), беллетристъ изъ школы народниковъ, Фетъ—Шеншинъ,—одинъ изъ оригинальнѣйшихъ лирическихъ поэтовъ девятнадцатаго столѣтія,—но, конечно, не изъ величайшихъ. Къ болѣе совершеннымъ лирическимъ поэтамъ слѣдуетъ отнести Теннисона, англійскаго поэта, умершаго въ настоящемъ году, и, можетъ быть самаго великаго изъ лирическихъ поэтовъ—Ниселли, котораго столѣтнюю годовщину рожденія вса культурная Европа праздновала въ августѣ мѣсяцѣ.

С.-Петербургъ.

В. Чижко.